

Рахимова Асия Ризвановна,

*к. филол. н., доцент кафедры татароведения и тюркологии
Института международных отношений,
истории и востоковедения К(П)ФУ
г. Казань, Татарстан, Россия
e-mail: a.rakhimova@gmail.com*

УДК 811.512.145

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРАБСКО-
ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ XIV-XVI ВВ. (НА ПРИМЕРЕ
ЛЕКСИКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКА)**

**FUNCTIONAL PECULIARITIES OF ARABIC-PERSIAN BORROWINGS
PRESENT IN TURKIC-TATAR LITERARY MONUMENTS OF
THE XIV-XVI CENTURIES (BASED ON THE EXAMPLES OF
LEXIS RELATED TO HUMAN BEING CHARACTERISTICS)**

Аннотация. Статья посвящена изучению функциональных особенностей арабско-персидских заимствований встречающихся в лексике, характеризующей человека, таких произведений как поэма «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.), эпос «Идегей» (XV-XVI вв.), поэмы «Тухфа-и мардан» (Дар мужей) и «Нур-и содур» (Свет сердец) Мухаммедьяра (XVI в.). Новизна статьи заключается в выявлении функциональных особенностей заимствованных лексем, определении роли указанных литературных памятников в проникновении арабских и персидских слов в татарский язык.

Ключевые слова: татарский язык, лексика литературного произведения, арабские и персидские заимствования, характеристика человека.

Abstract. This article explores functional peculiarities of Arabic-Persian borrowings present in lexis dealing with human being characteristics of the following writings: the poem “Hosrov and Shirin” Kutba (XIV century), the epos (or dastan) “Idegey” (XV-XVI centuries), the poems “Tuhfa-I mardan” (the husbands’ giving) and “Nur-I sodur” (the lights of hearts) by Muhammdyar (XVI century). The originality of the article involves finding functional peculiarities of borrowed lexical items, defining the role of the literary monuments in the process of intrusion of Arabic and Persian words into Tatar language.

Keywords: Tatar language, the lexis of literary writing, Arabic and Persian borrowings, human being characteristics.

Арабские и персидские заимствования занимают значительную часть словарного состава татарского языка. Проникновение этой лексики объясняется многовековым влиянием исламской культуры, длительными историческими связями между Булгарским государством и мусульманским Востоком, установившимися еще в IX – X веках. В татарском языкознании имеется немало работ, посвященных изучению арабско-персидских заимствований: их фонетико-грамматического и лексико-семантического освоения, функциональных особенностей и т.п. [4, с.136]. В настоящей статье нами предпринята попытка определить функциональные особенности арабских и персидских заимствований, встречающихся в лексике, характеризующей человека, таких произведений как «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.), эпоса «Идегей» (XV-XVI вв.), поэма «Тухфа-и мардан» (Дар мужей) и «Нур-и содур» (Свет сердец) Мухаммедьяра (XVI в.) [1].

Поэма «Хосров и Ширин», автором которой является Кутб, написана в 1342 году на территории Золотой Орды. Лексический анализ языка поэмы показывает, что параллельное употребление тюркского и заимствованного вариантов одной и той же лексики привело к появлению в языке памятника сложных слов. Например, ярук нур, первый компонент которого - древнетюркское слово ярук (< уаиу «свет, сияние, блеск, луч» (ДТС,244)), второй компонент нур – заимствование из арабского языка: Караңгылыкка төшмеш ул ярук нур. «В темноту попал тот луч света [о Ширин, которая жила во дворце, построенном в ужасной местности]»; парное слово билгә оstad: Янә шах әйде кем: «Ай билгә оstad...». «И шах сказал: «О мудрец...» < др.тюрк. bilgә «мудрый; мудрец» (ДТС,99), перс. оstad «учитель, наставник; умелый, искусный». В предложении Камуг ил халкы заригь егладылар... «Весь народ горько плакал...» ил халкы (должно быть ил халк), как мы считаем, также является парным словом. Ср.: др.тюрк. еl «племенной союз; народ» (ДТС,168), ар. халк «народ». В

поэме слово ил в значении «народ; люди» встречается и отдельно: Чыгарды иле. Ишек баглады берк... «[Ширин] вывела [из гробницы шаха] (велела покинуть гробницу) народ. [А сама] крепко заперла дверь...». Как известно, в современном татарском языке слово ил употребляется в значении «страна», а в значении «народ» – арабское слово халк.

Кроме того, анализ лексики позволяет сделать вывод о том, что если, процесс развития татарского языка продолжался бы естественным образом, без активного вмешательства арабского и персидского языков, роль составных слов в развитии лексики была бы значительно больше. Например, слова эл тот- в поэме употребляется в значении «поддержать, помогать» (тат.л. ярдәм ит-): Әлиг тотгыл бу эшем эчрә бер сән... «Поддержи меня (помоги мне) в этом деле...»; күнел беркет- «принять решение» (тат.л. карар кыл-): Күнел беркетте бер кыз алгай. «Решил взять в жены девушку какую-нибудь»; бил багла- «быть готовым» (тат.л. хәзер бул-): Биле баглыг бу эшкә чәрхи гәрдуң. «Мир готов к этому делу» и др.

Анализ языка эпоса «Идегей», сложившегося в XV-XVI вв., позволяет отметить весьма важные особенности его лексики. Арабские и персидские названия многих ключевых понятий, становившиеся в татарском языке в последующие этапы его развития литературной нормой, в тексте эпоса не встречаются. Например, понятие «друг»/ «свой человек» выражено не заимствованием дус, а словом ил: Ул яу микән, ил микән/ Аны шунда сынаек... «Друг он или враг? – испытаем там его [и поймем]...». [Илне белми үтердең]/ Белсән, агаң мин идем/ Ялгыз калдың, Идегей. «[Не разобравшись, ты убил своего человека, друга]. Старшего брата ты убил/ Ты теперь одинок, Идегей». Данное исконно тюркское слово в эпосе функционирует и в значении «народ»: Ил игелегем күрсен, дип... «Да видит народ от меня добро?». Ике яман берекмәс/ Берексә дә ил алмас. «Двое злых не объединятся. Если даже и объединятся, не станут единым народом». Понятие «враг»/ «чужой человек» в эпосе выражено словом яу (< др.тюрк. јағи «враг» (ДТС, 224): Яуның серен яу белмәс. «Недруг тайну врага не поймет [не узнает]».

В языке эпоса выявлено незначительное количество заимствований, использованных при характеристике человека в связи с его духовными качествами: асыл «настоящий, замечательный» < перс. asil «родовитый»: Асыл егет икәнсәң. «Видать, ты – достойный джигит»; азамат «доблестный, смелый» (< ар. «азамат «сила; ярость»): Саф азамат мырза углым... «Доблестный ты мурза, мой сын»; масс < перс. mast «пьяный, опьянённый»: Минем кулдан нан жийеп / Такка менгәч мас булган. «Хлеб из моих получил он рук [ел с моих рук]/ И наглец возгордился он вдруг»; миребан/миhreбан (< перс.) «человек, проявляющий милосердие». Ана сөтен туя имсән/ Булыр идең миребан/ Баурың каты яралдың... «Если бы досыта ты всосал материнского молока/ Ты бы тогда милосердным [человеком] был/ Жестокое сердце бьется в тебе...» и др.

В поэмах Мухаммедьяра представлена богатая лексика, характеризующая человека. Обращение поэта к сюжетам из ираноязычной поэзии, присутствие в них религиозных мотивов, привели к тому, что он в своих поэмах использовал многочисленную арабско-персидскую лексику. Тюрко-татарские и заимствованные названия одних и тех же понятий в поэмах употребляются, во-первых, параллельно: йазукълук и гөнаһкяр «грешный», йалганчы и бөһтанчы «врун, клеветник» и т.д; во-вторых, они могут образовать сложные слова: гьэкьыл-ус «ум, разум», хәкьикәт, тугъры (эшне) «праведный, правильный», шүридәэ чогул «спутавшийся», йөзе ай ру маһ «лицо ее как луна» и т.д. Следует также отметить, что в поэмах активно функционируют тюрко-татарские названия многих понятий, относящихся к характеристике человека: күни «правильный» (тат.л. дөрес), ус «ум» (тат.л. акыл), күңле сынык «несчастный» (тат.л. бичара, мескен) и т.п. Как видим, в более поздние этапы развития татарского языка, эти названия вышли из употребления, а их места заняли арабские или персидские слова.

Таким образом, в языке эпоса «Идегей» арабско-персидские заимствования занимают незначительное место. В поэме «Хосров и Ширин» заимствованный пласт значителен, однако многие слова употребляются поэтом лишь для сохранения рифмы в системе стихосложения «аруз»: маһ «луна» и нагяһ «вдруг» и т.д. Религиозные мотивы и сюжеты из ираноязычной поэзии, присутствующие в поэмах Мухаммедьяра, стали причиной использования поэтом многочисленной арабско-персидской лексики. Язык поэм впоследствии стал неким посредником для вхождения этих заимствований в татарский язык. Употребление тюрко-татарских и арабско-персидских вариантов лексем параллельно, образование парных слов указывает на то, что процесс перехода арабских или персидских лексем на место тюрко-татарских происходил в два этапа. На первом этапе лексем употреблялись параллельно, затем арабско-персидское заимствование постепенно занимало место тюрко-татарского слова, вытеснив его, закрепилось за тем значением, которого вначале выражали оба.

Сокращения

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Литература

1. Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы. Төзүчесе Хатип Госман. – Казан: Казан университеты нәшрияты, 1981. – 246 б.
2. Идегей. Татар халык дастаны. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. – 254 б.

3. Мөхәммәдъяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1997. – 336 б.
4. Рахимова А.Р. Семантические особенности арабских и персидских заимствований в турецком и татарском языках // Востоковедение. Сборник статей и докладов. Выпуск II, III / Отв. ред. Г.Г. Зайнуллин. – Казань: Казанский госуниверситет, 2005. – С. 124-136.

Салахутдинова Зифа Фаниловна,

Миргалимова Зиля Фаниловна,

*к. филол. н., доценты кафедры
татарского языка и литературы,
методики их преподавания НГПУ
г. Набережные Челны, Татарстан, Россия
e-mail: sal-zifa@yandex.ru; zilia64@mail.ru*

УДК 81'373'2

ФОАТ САДРИЕВНЫҢ “БӘХЕТСЕЗЛӘР БӘХЕТЕ” РОМАН-ТРИЛОГИЯСЕНДӘ КУШАМАТЛАР

ИМЕНА-ПРОЗВИЩА В РОМАНЕ-ТРИЛОГИИ “СЧАСТЬЕ НЕСЧАСТНЫХ” ФОАТА САДРИЕВА

NAMES-NICKNAMES IN THE NOVEL-TRILOGY “UNHAPPY HAPPINESS” THE FOATA SADRIYEV

Аннотация. Исследованы имена-прозвища, использованные в романе-трилогии “Счастье несчастных” Фoaта Садриева. Освещены особенности функционирования этих поэтических антропонимов в художественном мире писателя как идиостилевых черт. Проведен частичный лингвистический анализ и интерпретация рассмотренных языковых единиц.

Ключевые слова: личное имя-прозвище, поэтические антропонимы, художественный мир писателя, интерпретация языковых единиц.

Abstract. Researched the nicknames used in the novel-trilogy “unhappy Happiness” the Foata Sadriyev. The peculiarities of functioning of these poetic personal names in the artistic world of the writer as idiostyle hell. A partial linguistic analysis and interpretation are considered linguistic units.

Keywords: personal name-nickname, poetic anthroponyms, artistic world of the writer, interpretation of language units.

Фoат Садриев – татар прозасының поэтик лингвистикасын үстерүдә матур үрнәкләр барлыкка китерүче талант иясе. Кешеләр һәм предметларны тасвирлауда гадилек, кыскалык, дөреслек; тел чаралары сайлауда һәм куллануда кыюлык һәм оригинальлек; тирән лирика, психологизм, фразаның матурлыгы һәм музыкальлеге – болар һәммәсе дә Ф.Садриевның телгә булган таләпләре. Шуның өстенә, Ф.Садриев үз эсәрләрән геройларына кушаматлар тагу белән баектан. Билгеле, татар авылы (ә язучының персонажлары, нигездә, авыл кешеләре) кушаматларга бай була. Бу язучының “Бәхетсезләр бәхете” эсәрәндә дә яктыртылмыйча калмаган. Роман-трилогиядә шактый гына кызыклы кушаматлар бар.

Кушамат – ике сүз кушылу юлы белән ясалган кушама (“кушма”) + ат (“исем”). Кешенә рәсми исеменә кушым, өстәмә ат (исем) дигән мәгънә белдерә [3, б. 224]. Татар авылында кушамат барлыкка килүдә төп рольне ике фактор уйный. Беренче һәм төп фактор – кеше үзе, аның күзгә бәрелеп торырлык индивидуаль сыйфатлары яки аның белән бәйлә берәр очрак. Икенчесе – тирә-юндәгеләрнең бу кешегә мөнәсәбәте, кушамат бирүче теге яки бу кешенә аерым сыйфатларын күрәп ала һәм аны туры яки кыек итеп әйтә бирә (Тискәре кәжә, Төрмә кошы, Аксак шайтан һ.б.ш. – “Бәхетсезләр бәхете” эсәрәннән).

1) Теләсә нинди әдәби сүз кебек, матур әдәбият эсәрләрәндәге кушаматлар да тормыш-көнкүрешнең төрле күренешләрен чагылдыру белән бергә, атау функциясен генә үтәп калмыйлар, ә характерлаучы чара буларак та кулланылалар. Поэтик антропонимнарның бу категориясе экспрессия көченә иң мөһим сурәтләнү чарасы булып тора, хикәяләүне милли колорит белән баета.

1) Матур әдәбият эсәрәндә язучы кушаматларны үзәнчәлекле метафоралар буларак та куллана. Билгеле булганча, матур әдәбият эсәре, көндәлек тормышны яктырту белән бергә, эстетик функцияләргә дә